

Валерий ДУДАКОВ

ИЗБРАННОЕ

Валерий Александрович Дудаков

Избранное

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24725521

Избранное. / Валерий Дудаков: Пробел-2000; Москва; 2012

ISBN 978-5-98604-337-1

Аннотация

Поэзии ток неясен иногда,
Она копится, как в листке вода,
То каплет, то прольется полной чашей,
И в строфах отраженьем жизни нашей
Прошедших лет проходит череда.

Содержание

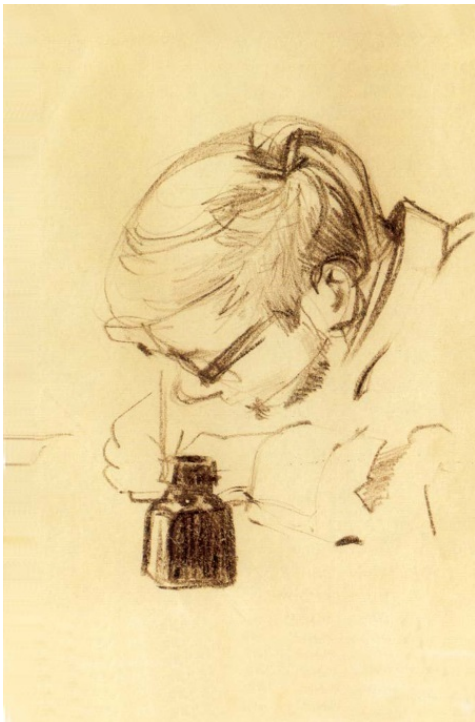
Нафталан	8
Прикончен год	10
В больнице	12
Гном	14
Утро в Венеции	16
«Киото гарден», или прощание с Лондоном	17
Холланд парк авеню	18
В пабе	20
Заклинание	22
Романс для Марины	24
«Киото гарден». Зима	25
«Киото гарден». Осень	26
Сумерки в Гайд парке	28
Отдых в Турции	30
Мой «Киото гарден»	32
Тоledo	34
Поездка в Гранаду	36
Раннее лето. Кенсингтон парк	38
Паром	40
Новогодняя поездка в Египет	42
Июльский «Киото гарден»	45
Тень	47
Обращение к «Киото гарден»	51

Замок «Лидс»	53
Сад камней «Рёандзи» в городе Киото (Япония)	55
Январская прогулка со златой в Загорянке	57
Молитва в «Киото гарден»	59
Утро в Лутраки	60
Поездка по Волге	61
Сны корабля	63
Прощальный бакен	65
Хмурое утро	67
Плёт	69
Санта Саграда фамилия	71
Салоу. Эль Пинедра	73
Гала-концерт дали под сценой Фигейроса и в замке Пуболь в двух действиях в духе моралите	75
На Онеге	80
Белая ночь на канале	82
Соловецкая	84
Спасо-Преображенский собор в Кижях	86
На Валааме	89
Михас	91
Рондо о Ронде	93
Февраль в Гайд-парке	95
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Валерий Дудаков
Избранное

Марине – единственной, любимой

Не раз спасала ты меня,
Твое небесное терпенье,
Где взять поэту вдохновенье?
Лишь возле вечного огня.
Не зря любила ты меня,
Зачтется в срок твое смирение.

Автор благодарит Софью Черняк, Владимира Немухина, и, особенно, Юрия Желтова, а также Константина Дудакова и Гаяне Казарян за помощь в подготовке рукописи.

Поэзии ток неясен иногда,
Она копится, как в листке вода,
То каплет, то прольется полной чашей,
И в строфах отраженьем жизни нашей
Прошедших лет проходит череда.

Нафталан

Светит солнце в Нафталане,
Пахнет нефтью, степью, серой.
Погружая тело в ванну,
Мы полны наивной веры,

Что исчезнут все болезни,
Все хворобы и невзгоды.
Нафталановые струи
Ловко смоют наши годы.

И мелькают в Нафталане
Эти дни, как сон, как одурь.
Я живу в Азербайджане,
Как восточный сонный лодырь,

Вечным пленником безделья,
Чередую сон с усладой.
В гости ходят здесь поверья
С предвечернею прохладой.

За горами в шапках снежных,
Где запрятаны селенья,
Жил когда-то старец здешний,
Наслаждаясь птичьим пеньем.

Рифмой тихой, струйкой тонкой
В этом старце жизнь теплилась,
И его стихи негромко
Вдруг в меня переселились.

Это время наступает
И крадется в тихой дреме,
Незаметно покрывает
Сеткой мелкою ладони,

Опеленывает душу,
Заволакивает тело,
Мысли робкие, глухие
Пробираются несмело.

Разбудить бы надо разум,
Разомкнуть глаза скорее,
Строчкой быстрой, зорким глазом
Оглядеться веселее.

Отойдя от сонной ванны,
Распрямясь понемногу,
Я прощаюсь с Нафталаном,
Собираясь вновь в дорогу.

Прикончен год

Прикончен год, размолот дней черед,
В зазубринах душа, устала воля,
Не в радость жизнь, предчувствие гнетет,
Кружит бедой, сдавив виски до боли.

Душою пуст, хотя завяз в делах,
Я – старый дом, где голуби на крыше
И странное зверье на этажах,
А в глубине подвала бродят крысы.

Все возятся, роятся и пыхтят,
По темным тайникам ползут, по нишам.
Впотьмах уснувших птиц загрызть хотят.
Кричу во снах. Но кто меня услышит?

И зимний бред сменяет летний сон:
Под снегом поле в клочьях побурелых,
Чуть слышен погребальный дальний звон,
Нечеткий ряд друзей в накидках белых.

На снег ложится тень от фонаря,
Крюк в потолке, петля, лекарства склянка...
В мой старый дом, все двери отворя,
Друзья бредут бедой попасть на пьянку.

Скорей захлопнуть дверь, забить забор.
Снег дом занес, стволы деревьев голых,
Пусть в забыти заснет замерзший двор,
Как и душа заснет до весен новых.

Раскрою дверь и выйду на крыльцо.
По крысоловкам темень глухо бьется,
И криком птиц нестройное кольцо
И мне и дому звонко отзовется.

1991

В больнице

Жесткой стенкой бетонка забора.
Черный лес. Белый снег. Редкий звук.
Шорох стертых полов коридора.
Всё опять затихает вокруг.

Я в больнице. Я в чистой палате.
Тишина. И молчит телефон.
Тихий час. Убаюкана в вате,
Вся душа погружается в сон.

Перерыв. Остановка. Заминка.
Время есть оглядеться вокруг.
За окном замечает тропинку
Снег, посыпавший поутру вдруг.

Сам себя поместив в заключение,
Я готов видеть радость в простом —
В чае, сахаре, пачке печенья,
В двух воронах под снежным кустом.

Боже, Ты хоть немного послушай,
За заблудшей душой уследи.
Залечи мне и раны и душу,
Суету и болезнь изведи.

Помолившись, свернусь на кровати,
С головой одеялом накрыт.
Только завтра так резко, некстати
У окна телефон зазвенит.

1992

ГНОМ

До утра в июне душа в тоске,
Ясно: думай – не думай, все ж
Дней прошедших след сединой в виске
Затерялся – не разберешь.

Если б видел я даже в страшном сне,
Что грядет, то глух стал и нем,
А теперь весь бред наяву во мне,
Он несет безмолвье и тлен.

И не вижу в этом вины ничьей,
Выбрал сам тоску и печаль.
Камнем боль лежит на душе моей.
Жаль.

С февраля что ни день, то канатный шаг,
И не знаешь – прав иль не прав.
Черный крот забрался вовнутрь, как враг,
В клочья душу всю изодрав.

Бесконечно тянется день за днем,
За окном тихий дождь стучит.
Я в больнице, где сумасшедший гном
Днем и ночью «спаси» кричит.

Гном – моя душа и моя тоска,
Стонет он в когтях у крота;
Все, чем жил до этого – горсть песка:
Отворяй беде ворота...

Боже, дай же сна, чтоб спокойно жить,
Чтоб спокойно спать и дышать,
Черный крот последнюю жизни нить
Мне не сможет тогда порвать.

1992

Утро в Венеции

Тает тонкая дымка морская,
Солнце в мерном движенье встает,
Над широкой лагуной вдоль края
«Серениссима» утро зовет.

По волнам пробегает тропинка
От луча. Ветерок шелестит.
У гондолы чернеющей спинка
Чуть качнется, весло заскрипит.

Мрамор розовый Сан-Дзаккария
Утром ясным и светом омыт,
У фонтана пред девой Марией
Тихо, жалобно флейта звучит.

Это сон, что сейчас оборвется,
Это утро, что в память войдет,
И на флейту слегка отзовется
Та душа, что надеждой живет.

«Киото гарден», или прощание с Лондоном

У японского сада, на извилках пруда,
Где струя водопада вечно плещет всегда,
И с бамбуковым стуком время тихо бежит,
На ветвистых деревьях резко птица свистит,

Я брожу под капелью, желтый лист шелестит,
По зеленой полянке резво белка бежит,
Неприметные зайцы что-то в лапах грызут,
Голубиные стайки ежевику клюют.

Низкий куст, редкий камень заблудились в траве,
И неспешные мысли у меня в голове:
В этом саде забыться, в этих камнях уснуть,
Навсегда заблудиться, от всего отдохнуть.

1992

Холланд парк авеню

Холланд-парк в огнях машин,
В ритмах быстрого движенья,
Жизнь скользит шуршаньем шин,
Дробно множась в отраженьях.

Лондон тихо входит в ночь,
Мягко время проплывает,
Суэта уходит прочь,
В лунном небе затихает.

Нет ни горестей, ни время,
В покаянном состоянье
Я сижу, забывши бремя
Всех забот и всех терзаний.

Незаметно в час приду
Легкого успокоенья,
Кружку «Гиннеса» найду
Чтоб развеять все сомненья.

По-английски пошепчусь
С путником, что вдруг подсядет,
У британцев научусь
Псов чужих кормить и гладить.

И без грусти и без боли
Я хочу отдаться счастью,
Погулять слегка на воле,
Приобщиться к безучастью.

1992

В пабе

Под звуки «Битлз» и дикий гогот
Сижу я в пабе за полночь,
И тысячи чертей не смогут
Меня отсюда уволочь.

Веду я разговор за пивом
В британском стиле, без труда,
Пусть смотрят вежливо, но криво,
На мой английский иногда.

О, дайте боги здесь отраду
Надеждам, глупостям, молитвам,
Мне посвятить весь вечер надо
Себя пивным тягучим битвам.

В них есть редчайшая услада
Все позабыть без сожаленья,
И достается, как награда,
Хмельного зелья вдохновенье.

Вступает ночь в свои владенья,
В плен забирает стихший город,
Пары пивного изверженья
Стекают каплями за ворот.

Настанет завтра. Утром ранним
Пойду смотреть на шустрых зайцев,
Но вечером сжимать мне надо
Пивную кружку в твердых пальцах.

1992

Заклинание

Я заблудшей душою совсем одичал,
Недостойный тебя, я не раз предавал,
И, тщеславье свое возвеличив сполна,
В душу смесь заливаю с отравой вина.

Позапутавшись в лжи, перестав различать,
Где по совести жизнь, где бесовская рать,
Я по пьяной тропе без сознания бреду,
Разоряя семью, клича всем нам беду.

Горько жизнь проживать, коль себе отдана,
Тяжело сознавать всю вину без вина,
И, как чашу до дна, тратить дни напролет,
Понимая: себе от себя не везет.

И за горло хватает глухая тоска,
И назойливой мухою боль у виска,
Ночь проходит без сна, день как сон проплывет,
В пустоту, в темноту кто-то глухо зовет.

Не прошу, не молю – заклинаю: поверь,
Из души бесовской изгоняется зверь,
Если капля любви, как живая вода,
В приоткрытую совесть падет иногда.

Будет темный острог светом ясным омыт,
Будет дремлющий сад мягким снегом укрыт,
И весеннее солнце протянет лучи,
Будут руки теплы и тела горячи.

Верю в нашу любовь, верю в щедрость твою,
Предсказанье я в детских глазах узнаю.
Пусть от бесов любовью очертится круг,
Чтоб по жизни пойти без печалей – разлук.

1993

Романс для Марины

Был ужин при свечах, крахмальные салфетки,
Неспешный разговор, бокалов перезвон,
Склонялись под дождем в тяжелых каплях ветки
И плачем о былом стучали за окном.

Играя в языки, немецкий и английский,
О разном рассуждал, но думал об одном:
Чтоб твой печальный взгляд,
такой родной и близкий
Был снова оживлен беседой и вином.

Ты мне дана судьбой, пусть это слишком громко,
Я так тебя люблю, что к выдумкам готов,
И кружит у виска и отдается звонко
Заклятий череда и покаянных слов.

И в темноте ночной, кольцом кружа Садовым,
Домой пойдем вдвоем, где тихо и тепло,
Готовые к любви и поворотам новым,
И бога попросив, чтоб в жизни повезло.

«Киото саден». Зима

Декабрь. Киото-сад. Густеет серебро
В рисунке трав, кустов, камней строгих,
Как приоткрытое несметное добро,
Доступное для избранных, немногих.

Как старый друг, встречается на миг
Все то, что дорого и хорошо знакомо:
Средь шороха кустов павлиний крик,
Поникшая трава и птичий гомон.

Здесь утки влажные к промокшим зайцам жмутся,
Под оком неба стекленеет зыбь.
Все замерло. Но стоит лишь нагнуться,
И различишь в воде заснувших рыб.

И можно все забыть, что мало означает,
До боли загрузить о близком и простом,
И бусинкой дождя, что вечность отражает,
На сакуре застыть прозрачным серебром.

«Киото саден». Осень

Зеленый остров, обрамленный в камень,
Зовет меня.
Вкруг стайки рыб играют плавниками,
Как след огня.

Здесь осень плавно переходит в лето,
Кружась листом.
С трудом поверишь, что живешь ты где-то,
Не здесь твой дом.

А может, все забыть, как эта белка,
Бродить в траве,
И у пруда, где сумрачно и мелко,
Заснуть навек.

Но тучи солнце пеленают в темень,
Прощай, мой сад.
Пора в дорогу, но настанет время —
Вернусь назад.

Неспешным шагом вдоль дорожки мерить,
Стихи шептать,
Чтоб снова в сказку захотеть поверить
И садом стать.

1994

Сумерки в Гайд парке

В пятнах темных на холмах зеленых
Стайкой копошится детвора,
В перекрестьях веток обнаженных
Птицы затихают до утра.

Солнце низко клонится к закату,
Стекленеет водоема гладь,
Шеи выгнув, к домику пернатых
Лебеди скользят на остров спать.

Гонится за белкой пес игривый —
В сумерках ее не углядеть,
И с губной гармошкой сиротливо
Нищий на скамейке сядет петь.

Гулкие шаги прохожих редких
Чуть тревожат тишины обман,
Сизой дымкой на уснувших ветках
Зависает клочьями туман.

Мне бы в этот вечер набродиться
Так, чтоб под ногой земля плыла,
А потом в часовне помолиться,
Чтобы вечной эта жизнь была.

1994

Отдых в Турции

Анталья. Сера-бич. Деревья. Море.
Восьмиугольный номер. Зеркала.
Безлюдно. И стоит в ночном дозоре
Водой и ветром стертая скала.

Здесь солнце триста дней, но мне не светит.
Дождь. Рокот волн все глуше, тяжелей.
И, как усы седые, никнут плети
На старых пальмах, мокрых до корней.

Промокло небо, зелень, черепица,
В пустом саду зеленый ворс ковров,
И люди, как напуганные птицы,
Забились в клетки душных номеров.

Ползет с востока ночь на берег влажный,
Мерцающая, над водой огни горят,
И в темноте слышнее и протяжней
Восточные мелодии звучат.

В них все слилось: унынье, радость, вечность,
Тоска о дне, что скрылся за моря,
И жалоба на жизни быстротечность,
Что тратиться неумно и зря.

Семь дней, что семь дождей – совсем немного.
Пройдут – забудешь. Случай дал – и взял.
Все бrenно. Вечен Бог и все от Бога:
Он за неделю этот мир создал.

1994

Мой «Киото саден»

Господи, язычника прости,
В радость мне ходить в японский сад,
За оградой душу отвести,
Посмотрев на легкий водопад.

Жизнь легко вселяя в тех, кто здесь
Вечной стал частицей бытия,
Создавала мир и ночь и днесь
Воля благодатная твоя.

Тени рыб, как отблеск облаков,
Обрамленный в камень сонный пруд,
Птичий гомон среди густых кустов —
Все являет вдохновенный труд,

Чудом ставший. Этот дивный сад,
Что цветет неярко, но всегда,
Для меня приют земных усад,
Свежих, как целебная вода.

Птицы дружной стайкою клюют
Пестрые узоры на кустах,
И павлин, на радость бытию,
Ветвь колышет веером хвоста.

Белки кругом водят хоровод,
Резво скачут зайцы вдоль кустов,
Господи, ну кто меня поймет,
Чудо лишь спугну обильем слов.

Дай душе омыться от хлопот,
Пусть на будни дней найдется сил,
Чтобы этот райский уголок
Нас к достойной жизни воскресил.

1995

Толедо

Лентою завитая
Быстрая гладь дороги
Блещет, пересекая
Горный гряды отроги,

И за холмом, чью спину
Зелень олив укрыла,
Желтый узор долины
Небо посеребрило.

Ветер разносит свежий
Запах вина и хлеба,
И миражом забрезжил
Желтый кристалл Толедо.

Грани его сверкают.
Как чудеса творенья,
Прошрое отражая
В сложных пересеченьях.

Римских полков знамена,
Факелов блеск горящих,
И на отвесных склонах
Тени вестготов спящих.

Стройные башни звонниц
Вечным стоят дозором,
Топот арабских конниц
Вдавлен в камней узоры.

В небе хрустально чистом
Ангелов слышны хоры,
Голосом реконкисты
Войску трубят сборы.

Строен их ряд и четок,
Не утрашит отважных
Черная тень решеток
На раскаленных башнях.

Дух покоренья дерзок,
Прочен фундамент «кредо»,
Кружевом арабесок
Камень пронзает небо.

И, горделив без меры,
Страстно стремясь к победам,
Крепостью древней веры
Славен алмаз – Толедо.

Поездка в Гранаду

Красное солнце из моря всходило
В горную дымку. Теплела земля.
Черная лента асфальта кружила,
Резво сбежав в золотые поля.

Редкий кустарник в подножье вершины.
Старая башня на горной скале.
Тихо. И призраком тень от машины
Ткет тишину на дорожной петле.

Выше и выше сквозь камни и скалы,
Через мосты высыхающих рек,
Вкруг объезжая обрывы, обвалы,
Где не селился давно человек.

Вьется асфальт, как змея, серпантинном,
Из-под колес убегает земля,
Яркое солнце большим властелином
Кругом обходит златые поля.

В красной земле забелели строения,
Желтые церкви в зеленых лозах,
И за уступами, как приведенья,
Прячутся замки Альгамбры в садах.

Строгие камни. Простые объемы.
Хрупкая тонкая вязь на стенах.
Рыбы в прохладном густом водоеме
Чертят тенями следы на камнях.

Дворик. Фонтан на двенадцати зверях,
Мирные львы охраняют покой.
Гладь водоема. Здесь можно поверить
В мир просветленный, гуманный, простой.

Ясный, как синее знойное небо,
Чистый, как мрамор. Прозрачный, как сон.
Вечный, как солнце. И с запахом хлеба.
И непреложный, как древний закон.

1995

Раннее лето. Кенсингтон парк

Я растворяюсь в лето. Ухожу
В листву деревьев, птичий перезвон.
Тенистыми аллеями брожу.
Смыкает надо мною своды крон

Старинный парк. Тяжелые стволы,
Как стражи, охраняют тишину.
Высоких лип могучие главы
Закинута в пространства глубину.

Лучи косые зелень золотят,
Синеет небо в перьях облаков,
И странную мелодией звучат
Глухие отзвуки людских шагов.

По глади серебристого пруда
Неспешно белый лебедь проскользит,
И пестрой рябью темная вода
Расходится от плавающих птиц.

Цветным узором через сеть аллей
Проносится компания ребят,
И, рассекая тень от фонарей,
Их ролики по гравию шуршат.

Смеркается и всех заморозил
Парк, погруженный в легкий летний сон,
И лишь былым величием застыл
В орнаментах решеток Кенсингтон.

1997

Паром

Укрывались вечерние горы
Синей дымкой. И в солнце косом,
Огибая портовые створы,
Уходил из Сеуты паром.

И, смывая морскойю прохладой
Знойный жар африканской печи,
Пробиралась стальная громада,
К европейской прохладной ночи.

Мерно движется темень к проливу,
Вздых Атлантики – словно зовут.
К кораблю на огонь сиротливый
Души в море погибших плывут.

Но крест на крест затянуты тросом
Днища шлюпок спасенья. Слышны,
Как псалмы по погибшим матросам,
Всплески гребня бегущей волны.

И печальные воды покинув,
Наш корабль убыстряет свой ход,
Лишь игривые стайки дельфинов
Поминальный кружат хоровод.

Догорали закатные горы,
Солнце ткало прощальный узор,
Электрических линий опоры
Поднимались как стражи в дозор.

Альгесирас светил огоньками,
Стрелы кранов застыли в порту,
И уставшее небо над нами
Спать легло, чтоб проснуться к утру.

1997

Новогодняя поездка в Египет

Устав от празднеств бесконечных,
На третий новый день в году,
Из зимней грязи, спешки вечной,
Мы прилетели в Хургаду.

Синело небо, солнце медный
На землю посылало свет,
Пел бедуин в бурнусе бледном
О том, что лучше мира нет.

Отель – наземный вестник рая —
К гостеприимству был готов,
Шарами яркими сверкая,
Стояла ёлка среди цветов.

Под ёлкой дед в кафтане длинном —
Восточный древний аксакал —
Волшебной лампой Алладина
Стада овечек освещал.

А утром – древний путь на Фивы,
Вился дороги пестрый сор,
И редкий город сиротливо
За пальмами скрывал узор.

Песок и камень. В солнце жарком —
Пустыни желтая земля,
И миражом зеленым, ярким —
Воды просящие поля.

Чем ближе к Нилу, тем приветней,
Строений глиняных узор
Хранит от жизни быстротечной
Мемнома колоссов дозор.

Тревожил сон Карнакских храмов
В ослах застрявший лимузин,
Рогами каменных баранов
Взывал к молитве муэдзин.

Он призывал тысячелетья
В свидетели: аллах Акбар!
И хрипом резким междометья
Ему в ответ шумел базар.

Смеркалось. Древнюю дорогу
Автобус фарами кружил,
И капитель колонны строгой
Янтарный свет заворожил.

Сапфиром призрачным и ясным
Синел вечерний небосвод,
Казалось, в мире нет прекрасней

Египетских земель и вод.

К рассвету утренние травы
Напьются нильскую водой,
Отдав бакшиш восточным нравом,
Мы попрощались с Хургадой.

Наш путь домой из странствий дальних —
Извечный бег, прощальный миг,
Лишь в снах веселых и печальных
Мы можем возвратиться в них.

И стражи снов в одеждах строгих
Меня на крыльях понесут
К печальным западным отрогам
В долину храма Хатшепсут.

1998

Июльский «Киото саден»

Утром ранним, летним, свежим,
По дорожкам вдоль оград,
Лишь слегка рассвет забрезжит —
Я спешу в любимый сад.

Бродит в снах павлин гортанный,
Гравий под ногой шуршит,
Кроны сумрачных платанов
Небо синью ворожит.

Гулким стуком плод каштана
Птиц испугнет в густой траве,
Солнце медленно и пьяно
Тенью бродит в голове.

Распушилась птиц игривых
Стайка в заросли густой,
Сонно, медленно, лениво
Бродят мысли чередой.

О волшебном этом крае,
Где покой и тишина,
Где, как вход в ворота рая,
Неба синь – голубизна.

Сад, где люди, звери, птицы,
Как свои среди своих,
Сад, где с небом хочет слиться
Цвет гортензий голубых.

Дивный сад. Мне так немного.
Чтобы силы обрести,
Нужно. Дайте ради бога
Снова в этот сад прийти.

1998

Тень

Спал город. В серой дымке предрассветной
Огни мерцали тусклых фонарей,
Прощальной трелью песни безответной
Весну будил уставший соловей.

Я шел в Киото, а за мной незримо,
Но неотступно – в утро, вечер, день,
Неспешная, как поступь пилигрима,
Брела тоска – моя земная тень.

На перепутье весен заблудился
В миру, в себе, в основах бытия,
И в это время спутник появился:
Земная тень, моё второе «я».

Таясь и прячась, робкая, глухая,
Она смогла тоскою окружить,
А, выведав и все секреты зная,
Меня собой сумела подменить.

Отвадила земных забот соблазны —
Не стоит сокрушаться о былом,
И призраков – подружек безобразных —
Мне приводила каждый вечер в дом.

И подменив меня, хозяйкой стала
В моей квартире жить да поживать,
А я, как будто робкий гость с вокзала,
Просился к ней и должен был стучать.

Убавив свет, желанья притупила,
В поступках поселила страх и лень,
Мерцанье ярких красок пригласила,
Заворожила вкрадчивая тень.

И закружив в бессмысленном вращенье
Дней, что бегут унылой чередой,
Власть обрела, во всё внесла сомненье,
Колдуньей стала над моей судьбой.

За нею вслед я шёл, летал и ездил,
С ней об руку по сумеркам бродил,
И в утренней тоске о смерти грезил,
С ней вместе в сад Киото приходил.

Сил не было, чтоб ей сопротивляться.
Душа мутилась, разум угасал,
Я клялся больше с ней не расставаться,
Как будто кто меня заколдовал.

И прокрутив передо мной кругами
Все «за» и «против», «быть» или «не быть»,
Она хотела влажными руками

Мои глаза уставшие закрыть.

«Усни навеки тихо и спокойно,
Покой есть смерть, и обрета её
Поступишь ты разумно и достойно
И подчеркнешь величие своё».

И, подчиняясь злой коварной воле,
Я погружался в мрачный вязкий сон,
И призрак, избавляющий от боли,
Манил к себе – приди в мой вечный дом.

Так, завершая странствия земные,
Я, с тенью примирившись, брёл в свой сад.
Светало, вокруг меня дома немые,
Деревьев строгий поминальный ряд.

Вдруг звуком, слишком резким спозаранку,
Настигнут был у старого ствола:
В коляске детской двойню негритянка
На раннюю прогулку повела.

И от такого действия простого
Вдруг ожил город. Легкий ветерок
Развеял влажность воздуха густого,
А страх, как сор, за угол уволок.

И сад Киото снова стал казаться
Своим и близким. Лёгких птичек рой

Мне мысль шепнул: ты должен постараться
Избавиться от тени роковой.

Сказал я ей: закончилось терпенье,
Не смеешь греться на моей беде.
И тень слегла на камни и коренья,
И, проскользнув, растаяла в воде.

1999

Обращение к «Киото саден»

Когда в Киото-сад
Впервые я попал,
Под мягкий листопад
Он души усыплял.

С тех пор который год,
На яви иль в бреду,
Я жду: грядет черед,
Когда к нему приду.

И каждый раз весной,
Когда к нему спешил,
Сад шелестел листвою
И время ворожил.

Настигнутый бедой,
В снегах петлял мой путь,
Я выбился из сил,
Сад, дай мне отдохнуть.

В смирении, без слез,
Замкнусь в печальном сне.
Хоть шепотом берез,
Сад, вспомни обо мне.

1999

Замок «Лидс»

По земле, что в инее,
Бродит рождество,
Небо светло – синее,
Сказки колдовство.

По холмам – взъерошенный
Зелени наряд,
В синь пруда заброшенный
Старых башен ряд.

В льдинках собираются
Стаи диких птиц,
В водах отражается
Древний замок Лидс.

Короли и воины
В вечный сон ушли,
На пруду в промоинах
Тени залегли.

Бродим мы, как сонные,
Гибкою тропой,
Небеса бездонные
Манят за собой.

Сказкой замороженный
Легкий лик луны,
Снегом припорошены
Синие холмы.

С белыми одеждами
Новый год спешит,
Новыми надеждами
Первый снег лежит.

1999

Сад камней «Рёандзи» в городе Киото (Япония)

Мир замкнут глиняной стеной
и только стороной одной
Он обращен для созерцанья.

Здесь камень высится горой
И гравий мерною волной
Порядок чертит мирозданья.

Уносит ветер ближних гор
Пустых стремлений лишний сор,
И суетливые желанья.

Немых стволов лесной дозор,
Седых камней простой узор
Зовут в суть жизни возвратиться.

Века проходят, сад нетлен,
Свободы дух в дыханье «дзен»
В коане камня будет длиться.

Здесь мир безмолвный за стеной,
И только за горой одной
Предвестьем света стонет птица.

2002

Январская прогулка со златой в Загорянке

Застыли лесные верхушки
В просветах январской зари,
Промерзшие за ночь макушки
Клонят к проводам фонари.

Резвится мохнатая Злата,
В сугробы ныряет пушком,
И шерсть в серебристых заплатах
Блестит придорожным снежком.

Скрещенных ветвей переплеты
Под тяжестью белых корон
Встряхнули шальные налеты
Крикливых замерзших ворон.

Над трубами тонко струится
Прозрачный белесый дымок,
Снежинки, как легкие птицы,
Возносит воздушный поток.

Поселок уютно и чисто
Мороз одеялом покрыл,
И солнечных пятен монисто

Рассыпалось в синий настил.

2003

Молитва в «Киото гарден»

Спасибо Господи за этот дивный сад
Зеленую траву, кусты и водопад.
Спасибо Господи за птичий тихий свист,
Уснувший лес, засохший желтый лист.
Спасибо Господи за серебро воды,
Она светла и не несет беды.
Спасибо, что отмел в лихие времена,
Чем соблазнял меня лукавый сатана:
Стяжательство, гордыню, похоть, лесть,
Отчаянье – всего не перечеть.
Спасибо Господи, что не дал ты мне власть
Достоинство других себе под ноги класть.
Спасибо Господи, что крест не тяжек мой.
Ты мне его вручил, с ним обрету покой.
Спасибо, что души заполнив пустоту,
Ты в жизни указал спасения тропу.
Спасибо Господи, что дал мне счастье жить
И, падая, прощать, молиться и любить.

Утро в Лутраки

Светало. Дымка легкого тумана
Окутала залив античных нимф.
Из легкотканной пелены обмана
Сквозь хвою елей проступал Коринф.

Неугомонный филин осторожно
Предсказывал явление лучей,
И погасал в часовне придорожной
Неяркий свет мерцания свечей.

Накрыло серебристым покрывалом
Кусты, тропинки, переплет ветвей,
И только далеко за перевалом
Зарделись купола монастырей.

Все ожило. Вздохнули горы, море,
От птичьих трелей пробудился склон,
И вахту отстояв в ночном дозоре,
Затих в заливе древний Посейдон.

Поездка по Волге

Твердо знаю, что счастье не вечно,
Не расчислишь судьбы разной,
Но на этой реке бесконечной
Разливается мир и покой.

Города проплывают как тени,
Белым с золотом свечи церквей,
Заблудилось пространство и время
В заповедье бескрайних полей.

Купол неба парит над водою,
Облака дружным стадом идут,
По бегущей волне чередую
Тени прошлого в вечность плывут.

Их маршрут – не в утеху прогулка,
И ушедшего времени ток
Отпоет неумолчно и гулко
Пароходный протяжный гудок.

Но за скорым речным поворотом
Вновь возникнут строенья, мосты,
Лишь вечерний закат позолотой
Тронит древних погостов кресты.

Твердо знаю, что счастье не вечно,
Позовет, посулит, подведет.
Как судьба в суете быстротечной,
Волга полные воды несет.

2005

Сны корабля

Покрывало ночью ткали девы
Из реки, тумана и дождя:
Тихие старинные напевы
Не услышишь в ярком свете дня.

Пели песни о былых походах,
Белых чайках, волнах за кормой,
Городах, сраженьях и народах,
Что пропали в пелене речной.

Кораблю, заснувшему под пенье,
В сумраке туманно-дождевом,
Грезилось далекое виденье
О своем величии былом.

Был во снах он новгородским стругом,
В дальних землях славно погулял,
И лихих ушкуйников к подругам
С яркими дарами доставлял.

Что ж, что он своей судьбе покорный
Возит отдыхающий народ,
Но как прежде ловко и упорно
Бороздит просторы древних вод.

Утро встанет. Песней солнца звонкой
Позовет в речные дали плыть.
Белая трудяга-плоскодонка
Долго будет радость приносить.

2005

Прощальный бакен

Догорал закатный вечер,
Шум стихал и легкий зной,
Колоколен белых свечи
Гасли в темени лесной.

Отсвет на воду ложился —
Рябь от низких облаков,
Далеко залив струился —
Не увидишь берегов.

Крики чаек закружились
В гулкой тишине ночной,
С кораблем мы заблудились
Между небом и землей.

Ветер лунный след качает,
Тени бродят в облаках.
Бакен фонарем мигает,
Крест прочерчен на боках.

Видно уж судьба такая,
Кто-то выбраться не смог.
Бродит вокруг волна глухая,
Гонит пены бурный клочок.

Поскорей бы место это
В тишине ночной проплыть
И до утреннего света
Как тревожный сон забыть.

2005

Хмурое утро

Утро, хмурь. Рядами скачут
Облака среди небес.
Наш кораблик стонет, плачет —
В зыбь глубокую залез.

Впереди пустынный остров,
Глуше места не найти,
Этот остров так не просто
Левым бортом обойти.

Справа, слева, мелей блики —
Не туда плывешь дружок,
Как спасительные крики
Бьется по ветру флажок.

Чтоб со всем честным народом
Нам не сгинуть на мели —
Сбавь узлы, и тихим ходом
К дебаркадеру плыви.

Право борт, не черпать воду,
Нам еще вперед и вдаль.
В эту шалую погоду
К верной пристани причаль.

Эй, крепи швартовый к кнехтам,
Бросим трос – не проворонь.
Тише. Стоп машина. Эх ты,
Только колышек не тронь.

Встал корабль. Прервал движенье,
С ветром справился не зря.
Чудом плыло отраженье
Белых стен монастыря.

2005

Плѣс

Смеркался свет за темным лесом дальним,
Корабль качаясь к берегу пристал,
А над холмом вечерний звон печальный
Разрушенную церковь отпевал.

Вдоль Волги резко дул тревожный ветер,
О пристань бились буруны волны,
Казалось, нет такой другой на свете
В безвременье упавшей стороны.

У ресторана звуки песни пьяной,
Съезжаются машины в казино,
Притон шальной на острове Буяне
Сулит веселый ужин и вино.

Сгорела церковь, почерневший сразу
Большой старинный город запустел,
И воронье с далеких гор Кавказа
Над ним справляет черный беспредел.

В бурьяне городища – танцплощадка
И памятника столб в остатках плит,
А князь с него в разбитой камнем шапке
С укором древним на пустырь глядит.

И делит край, что так любил художник,
К рукам прибрав чужое как свое,
Без роду и без племени безбожник,
И кружит жадной стаей воронье.

2005

Санта Саграда фамилия

Был трубный глас строителю собора:
Приди и вознеси сей храм чудесный
Святой семьи. Не будешь ты укора
В своих дерзаннях слышать от меня.
Пусть отблески духовного огня
Осветят твой талант, как свет небесный.

И Гауди, как верный пилигрим,
Что позван был призывом поднебесья,
Спеша в мечтах, слагает в камне гимн.
Взрастив собор, как редкий цвет в горшках,
Вычисляя куполы, в мешках
С песком проверив тяжесть равновесья.

Собор растет. Его давно уж ждали,
Растет, закинув в небо шапки башен,
Разверзнув смело сумрачные дали,
Двенадцати апостолов краса
Явить земле решила чудеса
В соборе, что сродни надеждам нашим.

Как солнце согревает рой опять
Из тлена пня пробившихся к свободе,
Так дерзость архитектора опять

Прутом железным сверлит свод небесный,
И множество узоров бесполезных
Вкруг башен вьются по последней моде.

Грибы, улитки, змеи и сучки,
Деревья, что заживляют раны,
Вросли в собора тело. Светлячки
Блестят на завершеньях башен сложных.
Цветных камней шепот осторожный
Заворожил собор, как мир наш странный.

И мы родимся, чтоб создать собор —
Внутри себя его ведь каждый строит —
И выметать пустых желаний сор.
Нам завершить строенье не придется,
В мечтах и снах лишь это удастся,
Пока земля сырая не укроет.

И мудрый архитектор не успел
Достроить свой шедевр во славу Бога.
Внезапно устранив от славных дел,
Трамвай его унес не в смерть, а в вечность,
Но множится собора бесконечность,
И всем дана в бессмертие дорога.

Салоу. Эль Пинеда

Блаженный мир, приют иберов,
Трудом, упорством, крепкой верой
Веками обживался край,
И готы, франки и арабы,
Как раньше Рим, добра награвив,
Бежали вспять, покинув рай,

Где беспредельна гладь морская,
И синь от края и до края,
В оливах серебро долин,
Спокойных рек немолчный голос,
Под легким ветром спелый колос
Вздывает грудь больших равнин.

Над ними горная гряда
Пасет небесные стада
И ключья серого тумана
Ложатся вниз больших долин,
Так заползает в душу сплин
С порывом ветра трамонтана.

На горизонте пароход
Застыл как страж небес и вод,
Он разделяет море с небом,

То он плывет, то вдруг летит,
И в глубь бездонную глядит,
А лунный след катится следом.

Пушистые верхушки пиний
Ласкают неба купол синий.
В их фиолетовых стволах
Таится сумрак южной ночи,
Прибой глухой волной рокочет,
Мерцают звезды в облаках.

2005

Гала-концерт дали под сценой Фигейроса и в замке Пуболь в двух действиях в духе моралите

В стране,
где праздником чтут бои быков на аренах,
Хлеба на башне цветут, золотые яйца на стенах,
В багровом замке,
что влез на холм над синей долиной,
Вперив в купол небес глаз из стекла мушиный.

В той ампурданской дали,
за горной цепью надежной,
Рос без забот Дали, далее – славный художник,
Семейства любимый сын стряпчего из Кадакеса
Сальва́тор Филипп Жозинт,
герой представленной пьесы.

Он странным ребенком был,
сверчков как огня боялся,
Один по скалам бродил,
с людьми краснел и стеснялся.
Однажды к нему придет удача в жаркое лето —
Он встретит семью Пичот, артистов, певцов, поэтов.

И стал заносить в дневник рисунки, кроки, сюжеты
Гравера ученик, эксцентрик с душой поэта.

В ярких полдневных снах
являлись к нему виденья,
Ночью в сырых углах мерещились приведенья.

Потом он их рисовал в жажде запомнить чудо,
И к деяньям Творца равнял собственные причуды.
В театр жизнь превратив в стенах своей квартиры,
Он сам себя окрестил великим спасителем мира.

Творец лукавых идей, придумщик новых обрядов,
Автор и лицедей причудливой клоунады,
Уж так угостить он мог свежей своей находкой,
Как будто ее Господь Бог
испек на своей сковородке.

Там рыбы плыли в облаках
с хвостами из ярких перьев,
Слоны на длинных ногах
трубили в кронах деревьев,
Пронзали пики усов
с портретов маркизов и графов,
Бродили среди диких лесов пылающие жирафы.

Но так от века велось,
в испанских старых поверьях,
Хлебами время свелось на ветках сухих деревьев,
В волшебных и вещих снах

терялись люди беспечно,
Сады в бумажных цветах их увлекали в вечность.

И как-то бродя в раю нескромных нагих видений,
Он встретил музу свою в саду земных наслаждений,
Но словно его появленья
всю жизнь с надеждой ждала
Со дня своего рожденья Елена – Леда – Галá.

Служанка, мать и жена открыла рая земного
Ворота, и в даль она Дали возносила как бога.
Среди беспутных друзей
хранила от бурь житейских
Лошадка волжских степей,
колдунья полей Елисейских.

Пары дружней не сыскать.
Судьба щедра на подарки,
Если ее оседлать. В проем Триумфальной арки
Фортуны катил колесо,
разглядев в волшебную призму
Его талант Пикассо, бессменный создатель измов.

И всходит славы звезда за яркий талант в награду,
В соперниках города в их честь устроить парады.
Мир покорен. У ног слава кружит болидом,
В моду входящий слог —
всесильный «Dollars Avida»

Сладкий монетный звон звучит на всех вернисажах,
Публику тешит он скандалом, ажиотажем,
Только о нем разговор и гордо идет по сцене
Художник-торреадор – взъяренный бык на арене.

Кто знает, какой узор вышивает властитель мира,
Как старый ненужный сор
мы сметаем прежних кумиров.
Гаснет свет. Тишина, покой.
Спущен занавес сверху узорный.
Арлекин усталой рукой
грим смывает в своей примерной.

Марионеткой на нитках, сжимающихся в гармошку,
Можно в расшитой визитке
в гости к смерти прийти понарошку,
Над шуткой твоей удачной
она весело будто хохочет,
Но оскалится мрачно, когда ты того и не хочешь.

Потускнеет глянец и лак
на лучших твоих картинах,
Черным гробом замрет Кадиллак,
запутавшись в паутине,
По ночам будет трубно ржать
чучело лошади белой,
День и ночь слезой истекать великан —
над усопшим телом.

А в Пуболе две гладких плиты,
где тень сложилась густая,
Ей одну предназначил ты, другая совсем пустая –
Той, что дана судьбой и шла неразлучно рядом,
Вечно лежать одной в замке со старым садом.

Ты ж сам как простой лицедей,
как горстка смертного тлена,
Устав от земных страстей,
навечно лежишь под сценой.
Не ждет Навзикая Улисса,
рок послал вам финал такой,
Лишь сорока над кипарисом
да крыса спугнут покой.

2005

На Онеге

Протяжный звук растаял парохода,
Все дальше уходил речной причал,
И в ярком небе, вокруг объявшем воду,
Луч солнца крылья чаек окаймлял.

Над озером Онега плыли тучи
На север к ледовитым берегам,
Всходило солнце белое все круче,
Кидая горсти света по волнам.

Пыхтели мирно трубы, дым пуская,
За горизонт круглился небосвод.
Все шире расходилась синь густая,
Смыкая гладь тяжелых темных вод.

Ни берегов, ни леса, ни прибрежья,
Лишь неба свет да темный блеск воды,
И в безграничных далях Заонежья
Терялись обжитых примет следы.

Безмолвие, безлюдье, беспределье.
Замолкло время, стихло в глубине
Пространства, заплутавшего в поверьях,
Что гулким эхом ходят по воде.

Они доносят отзвуки сраженья,
Походов дальних, красных стругов гул,
И сказочного города виденье,
Что вечным сном под озером заснул.

2006

Белая ночь на канале

Гаснет свет дневной, смеркается,
След уходит берегов.
Чайки тень крылом касается
Потемневших облаков.

Колпаком, на штырь насаженным,
Бакен мели сторожит,
Вкруг него, по камням слаженным,
Ветер волны ворожит.

Гаснут островки зеленые,
В глубине их скрылась тень,
Лишь шумит вода студеная,
Кружит пенистый гребень.

Древний скит вдали маячится,
Вкруг покой и тишина,
Под замерзшим небом прячется
Хрупких веток белизна.

Узкой полосой багровую
Ранний тянется рассвет,
В воду темную, свинцовую,
Неба льется тусклый свет

Берег, ветрами иссеченный,
Заживляет темный мох,
И со дна потока вечного
Гулкий звук, как тяжкий вздох.

2006

Соловецкая

Острова, острова, острова,
Закружилась от вас голова,
И куда глаз ни кинь —
Всюду водная синь,
Как с похмелья болит голова.

Соловки, Соловки, Соловки,
Стерегли вас не люди – волки,
И какой в этом толк,
Коли брат словно волк,
И сжимаются зубы в тиски.

Убежать с Соловков, убежать,
Чтобы даже следа не видать,
И не сбиться с пути,
И свободу найти,
И ищейки не стали искать.

Но уйти не дано, не дано,
Кому здесь отсидеть суждено,
Если будет фаргить —
Чифирю заварить,
По душам поболтать заодно.

Да теперь всё не так, все не те —
Не оставь нас Господь в темноте,
Обернешься назад —
Там мерещится ад,
Не забыть бы о нем в суете.

Острова, острова, острова,
Поседела от вас голова,
Мы вернемся опять,
Хоть пора отплывать,
К Соловкам, чтобы правду сыскать.

2006

Спасо-Преображенский собор в Кижях

В преданье летописец написал:
Царь Петр гонца на Кижь-остров слал
Построить пост дозором обороны,
Чтоб враг коварный северной короной
Надменную главу не увенчал.

Но шелестом дерев, кустов и трав,
Вдали от царских суетных забав,
Несоразмерных будущему чуду,
Откликнулось: Пусть храм высокий будет,
Просторный храм о двадцати главах.

И в день Преображенья, в благовест,
Из дальних и глухих окрестных мест
Пришли леса в покровах запыленных,
И над пожаром местом опаленным
На севере вознесся божий крест.

Восславим тех, законы кто постиг,
Как ставить восьмерик на четверик,
Чтоб в целое могли соединиться,
К покрову небосвода устремиться
И солнцу показать свой светлый лик.

Помянем тех, кто плыл на братский сбор,
Тех, кто срубил на острове собор,
Чтоб мир вокруг него преобразился.
Вначале плотник Богу помолился
И в желтый ствол сосны вонзил топор.

Под лезвием запел сосновый срез
И храм пошел, венцами вверх полез,
Прирубамии оброс со скатом крытым,
И в кровле «бочек», в чешую зашитых,
Узором отражался свет небес.

Храм рос как древо жизни, вверх тянул.
И скоро с любопытством заглянул
Он в небо деревянными главами,
И вместе с золотыми облаками
К лучам тепла под влажным ветром льнул.

И добрая молва пошла окрест.
К нему из дальних стран и ближних мест
Тянулись люди, приходили звери,
Сплывались рыбы. К православной вере
С любовью направлял их Божий перст.

И плотник главный, завершив узор,
Сказал: «не должно строить с этих пор,
Срубить дано лишь раз такое чудо,
Бог создал то, что вечно будет людям»,

И бросил в воды озера топор.

С событий тех прошло немало лет,
И повидал так много белый свет
Строений, что слепят воображенье.
Но в озере светится отраженье
Собора, что чудесней в мире нет.

2006

На Валааме

В июльский день из вод необозримых,
Встречать сюда приплывших пилигримов,
Приветливо идет на встречу нам
Пресветлый божий остров Валаам.

Его неугасимая лампада
Веками светит, принося отраду,
И ясным днем и поздно по ночам
Ты всех приветишь, добрый Валаам.

Здесь веры крест воздвиг святой Андрей,
И шведов дерзких северный борей
Сгибал своим дыханием пополам,
Ты выстоял суровый Валаам.

В дневных трудах земной твердыней став,
В полнощных литургиях отстояв,
Покой и мир разлив по островам
Стоит оплотом веры Валаам.

Когда же непогоды грозный зов
Достигнет дальних праведных скитов,
Как ветра гул бежит по островам:
Поберегись, укройся Валаам.

Надвинув шапки темные лесов
Насупленных в ненастье островов,
Разносит буря стон по облакам:
Ваалам, Валаам, Вааллалам.

Но радуга протянет мост с небес
Надеждою, и через темный лес
Блеснет луч света по церквей главам,
И оживет притихший Валаам

И вновь негромко стелется волна,
Слегка ласкаясь глади валуна,
И вторит плеск воды колоколам:
Ваалам, Валаам, Вааллалам.

Пусть не угаснет свет твоих скитов,
В прощальный миг, в преддверье вечных снов,
Напутствием и утешеньем нам
Твое благословенье, Валаам.

Михас

Тень вползала в створ каменьев строгих,
Кружевом играла на стекле,
И, скрываясь в дальние отроги,
Солнце гасло в цепкой мерной мгле.

Переливы яркие заката
Остужались в глубине морской.
Колокольный мерный звук набата
Отбивал десятый час земной.

Откатав туристов в таратайке,
Замедля свой усталый бег,
У повозки сбившись дружной стайкой,
Ослики спешили на ночлег.

А за ними медленно и чинно,
Соблюдая нормы чистоты,
Следом поливальная машина
Выскребла дороги и мосты.

Вздохи затаились за кустами,
Звездный блеск заморозил луну.
Ветер с моря тонкими кусками
Нарезал тугую тишину.

Разгулялась ночь. С окраин склона
Лунный серп долину закружил.
Мягкий свет церковного фронтона
Призраком над городом парил.

А в часовне, что к горе прижалась
И зажгла лампы в эту ночь,
К кукле-богоматери склонялась
Чья-то лента с просьбою помочь.

Стихнул шум. Прилёг уставший Михас,
Под горой свернулся сладко спать.
Замерло. И безмятежно тихо
Будет город утро вновь встречать.

2006

Рондо о Ронде

Дорога петляла, храни нас Мадонна,
И горы за морем в вершинах сплелись.
Кто создал тебя, несравненная Ронда,
Где месяц и солнце навечно слились?

Над нами небес голубая ротонда
И ветер кружит высоко от земли.
Кто дали раскрыл неоглядные, Ронда,
Кто смотрит на них сквозь отроги твои?

По этой дороге и римлян и мавров
Взбираемся вверх на крутой перевал.
Кто в горные цепи седых динозавров
Здесь в Ронде на вечные сны заковал?

Все выше дорога петляется плавно,
Несчастлив, кто ширью такой не дышал.
Кто выгладил Ронды суровые камни,
Кто высек меж ними глубокий провал?

Как ветер навстречу долина несется,
Все близится, Ронда, твой контур простой,
Над гулким ущельем, где Тахо крадется,
Где Понто-Нуэво парит над рекой.

Как крепость стоит неприступная Ронда,
Она покоряла друзей и врагов,
И в небо зрачком завершеного тондо
Белеет арена для боя быков.

По трубкам струится вода для полива
И зреют плоды на зеленых ветвях.
Кто, Ронда, взрастил твои тучные нивы,
Как вырастил дерзко сады на камнях?

И те, кто сажал эти дивные рощи,
От ветра и света просты и чисты,
Ведь в близости к небу смелее и проще
Сжигаешь ненужных желаний мосты.

Увенчана Ронда испанской короной,
Над нею неспешно столетья плывут,
И к Ронде спускаясь, суровые склоны
Нас горными тропами в вечность зовут.

Февраль в Гайд-парке

Ветер легкую зыбь качал,
Скрипнул резко утиный крик.
Кто, когда и зачем сказал,
Что к тебе навсегда приник?

Что прожить не смогу и дня

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.